

Эпоха Путина: от кризиса ценностей к кризису институтов

За без малого десятилетие “путинской” политической и социальной стабильности российское общество во многом изменилось. На уровне ценностей россияне все в большей степени проявляют оптимизм, готовы к поступательному движению вперед, выглядят единой политической нацией. Сформировалась и социальная база новой стабильности – средний класс, в основном уже родом из “последефолтовской” эпохи. Но не решена главная проблема сегодняшнего общества, не преодолен институциональный кризис, отсутствуют эффективно работающие политические, государственные и общественные институты. “Старые” институты, доставшиеся “новой России” и от эпохи демократического “натиска”, и от более ранних периодов в истории страны, так до конца и не нашли своего места в сегодняшней общественно-политической системе. Это касается политических партий, представительной власти, профсоюзов, Церкви, традиционной российской бюрократии. Связность общества, которая должна обеспечиваться работающими институтами, остается на крайне низком уровне. Сможет ли российское общество и новая власть решить эту задачу - наполнить “старые меха” новым содержанием? Сформируется ли в “новой” постпутинской России политическая и государственная система, адекватная не только ценностям общества, но и его возможностям? Или страну ждет новый кризис распада, спровоцированный неэффективными политическими и общественными институтами?

Попытки подвести предварительные итоги восьмилетнего пребывания у власти В. Путина и заглянуть в будущее, пусть и не столь далекое – еще на восемь-десять лет вперед, связаны с определенными трудностями. Само российское общество не слишком расположено заглядывать далеко вперед. Россияне привыкли жить скорее “днем сегодняшним”, и не только потому, что проблема выживания, когда жизненные горизонты сузились до текущего дня, стала главной для россиян в минувшие пятнадцать лет. Но на это есть и более глубокие социокультурные причины. На наших глазах в значительной степени происходит формирование совершенно новой российской цивилизации, и, соответственно, цивилизационный разрыв с историческим прошлым России, тем более бесповоротный, чем большую ценность приобретает исторический “камуфляж” – гимны, гербы, памятники, религиозные обряды и прочие атрибуты России исторической. По сути дела, строительство современной России ведется новой генерацией русских, сформировавшейся на руинах традиционного общества. Это генерация мегаполисов, массовой культуры, потребительских ценностей, крайнего индивидуализма, который компенсируется патриотической риторикой скорее на парадном уровне, чем обуславливает массовое поведение. Россияне сегодня еще не являются российской нацией в полном смысле этого слова, объединенной общими целями, ценностями и институтами, обеспечивающими взаимодействие граждан, хотя определенная часть пути в этом направлении преодолена.

Действительно, несмотря на впечатляющие успехи страны при В. Путине, проявившиеся в значительном росте уровня жизни большей части населения, укреплении внешнеполитических позиций страны, формировании среднего класса, развитии отдельных экономических сфер, восстановлении веры россиян в будущее страны, на вопрос, все-таки “жива” или “не жива” нынешняя Россия, однозначный ответ дать не просто. Примерно на две равные части раскололось экспертное сообщество, как минимум, половина которого продолжает утверждать о непрочности, неосновательности достигнутых перемен к лучшему, неизбежности в самом недалеком будущем системного социального, экономического и политического кризиса. Менее четверти опрошенных россиян готовы уверенно заявить, что “страна идет в правильном направлении”. Чего же не хватает в стране, темпы развития которой по данным официальной статистики среди самых высоких в мире?

Бесспорным, и даже лежащим на поверхности достижением путинской эпохи стало то, что, казалось бы, окончательно атомизированная генерация скорее лишь формально российских граждан, какой она была на протяжении десятка лет после победы “демократической революции”, стала, хотя бы на уровне парадных ценностей и деклараций, приобретать черты политической нации, вкусившей от общего успеха “корпорации по имени Россия”. Мы бурно радуемся, хоть в чем-то “утирая нос” странам Запада, вроде бы, далеко ушедшим вперед, выигрывая “тендер” на проведение Олимпийских игр, испытывая современное вооружение, которого “нет там”, опуская батискафы на дно Ледовитого океана, верим в то, что лет через десять-двенадцать войдем в число ведущих стран мира. Все это совсем не похоже на “мрачные девяностые”, когда все валилось из рук, и каждый норовил скорее “подтолкнуть падающего”, чем протянуть ему руку помощи. Как это показывают результаты многочисленных исследований, за последнее десятилетие в стране произошла определенная унификация ценностей, кризис ценностей, разрывающий общество в начале 90-х годов, оказался в целом преодоленным. На место расколу общества по идейно-политическим основаниям, определявшему вектор политических трансформаций в первой половине 90-х годов, в конце того же десятилетия пришел идейно-политический и ценностный синтез.

В последовавшие годы данный феномен постепенно стал основой “метаидеологии” так называемого «путинского большинства», обрел социальный фундамент в виде нового среднего класса, отражающего стабилизацию социальной структуры общества, получил определенное теоретическое обоснование со стороны властей (концепция «суверенной демократии»), обрел черты официальной идеологии. Внешне оставаясь эклектичным набором зачастую противоречащих друг другу идеологием, идейно-политический синтез стал постепенно обретать и некую внутреннюю целостность. Главной отличительной чертой нового запроса этого большинства является ориентация на власть, объединяющая общество, реализующую общенациональную субъектность, в противовес многочисленным кланам и группировкам, растаскивающим власть, реализующим частные или групповые интересы. Распад общества в 90-е, едва не обернувшийся гражданским противостоянием, воспринимается россиянами как преодоленная болезнь. Тяга к единению сыграла свою значительную роль в дискредитации политической оппозиции, даже если на уровне заявлений она взывает согласие, общество

смирилось и даже скорее поддержало меры по построению административной вертикали, включая отмену прямых выборов глав субъектов федерации, даже осознавая, что эти меры лишают граждан части их прав на волеизъявление. В сегодняшней России нет и не предвидится серьезных «партий интересов», которые бы в соответствии с требованиями классической политологии, отражали бы и защищали интересы каких-то отдельных групп общества. А когда такие партии появляются, они скорее имитируют свои «социальные» корни и соответствующие им социально-экономические парадигмы.

Для объяснения подобного феномена, политологи ссылаются на феномен **синкретизма**, слабой изначальной расчлененности массового сознания. Множественность парадигм воспринимается на уровне глубинных архетипов как болезненное состояние, раскол, предчувствие гражданской войны. Нынешний, путинский период – тому казалось бы яркое подтверждение. Однако сегодня этот “тренд” на единение представляется в определенной степени исчерпанным и вполне может смениться трендом с противоположным знаком, то есть распадом так до конца и не сформированной нации. В тоже время вопрос, является ли тяга к единению характерной чертой именно “путинского” этапа, переживаемого Россией, или же она является возвращением к имманентно присущим россиянам глубинным национальным архетипам, и, в соответствии с этим, «особой чертой», отличающей российскую политическую модель от европейской, остается предметом дискуссий среди политологов и историков. На наш взгляд, более обоснованной является первая точка зрения, согласно которой феномен объединения общества вокруг “партии власти” не является проявлением “вековой русской соборности” и сопряжена одновременно с безразличием, общественно-политической пассивностью, носит во многом формальный характер. «Синкретизм” массового сознания, когда на уровне подсознания каждый гражданин воспринимает себя скорее как часть целого, чем как самостоятельного субъекта вступает в противоречие с другими данными, свидетельствующими о глубокой индивидуализации общественного бытия современных россиян, их нежелания и неспособности выстраивать социальные связи и проявлять солидаризм. Обе названные крайности – синкретизм и индивидуализм – сосуществуют в современной России и определяют тот феномен, который мы называем “путинской метаидеологией”. Она, пусть и скорее на формальном уровне, оказалась способной объединить представителей самых разных социальных слоев и идейно-политических ориентаций. Нюансы общественных разногласий оказались не столь важны перед интуитивно поставленной обществом задачи формирования единой нации, и не помешали в определенный период времени сплотиться вокруг “партии власти” и пролагаемого ей политического и экономического курса, далеко не бесспорного, если оценивать его с точки зрения отдельных положений и позиций.

По данным ИС РАН и ВЦИОМа, противостояние идеологических полюсов по своей силе значительно уступает противостоянию «богатых» и «бедных», «чиновников» и «обычных граждан», «жителей мегаполисов» и «жителей провинциальных городов», населения различных регионов страны. Основной ценностный вектор, связываемый с понятиями «порядок» и «справедливость», разделяется практически всеми группами нашего общества. Программы и лозунги

большинства партий становятся очень похожими, не случайно даже последние избирательные кампании СПС в ряде регионов проходили под знаком восстановления социальной справедливости. Действующая власть и ее партийные представители в лице «Единой России» во многом «впитали» как левые, так и правые идеи, что позволило им как бы «выпасть» из идейно-политического спектра, привлечь на свою сторону даже те группы, которые в логике идейно-политического пространства ранее противостояли друг другу. Идеи сильного суверенного государства, социальной справедливости, эффективной рыночной экономики, национального достоинства – определяют **«лево-правый» синтез**, характерный для государственной «квазиидеологии», сформировавшейся при В. Путине¹. Этот синтез обеспечивает в настоящее время «партии власти» поддержку не менее половины населения страны, а на федеральных выборах даже превышает этот показатель. В отличие от социокультурной ситуации середины 90-х, когда носителями консервативной идеологии и системы ценностей выступали традиционалистские слои общества, в основе нынешних неоконсервативных тенденций лежат совершенно иные общественные слои, в первую очередь, новый средний класс, сформировавшийся в России уже после 1998 года.

Если говорить о социальном содержании “лево-правого синтеза”, то следует отметить, что тенденции «влево», характерные для современной России, лишь в малой степени являются формой «реванша» за поражение социализма в начале 90-х годов. Ведь как показывают результаты опросов, сегодня к идеям социальной справедливости как главным для России пришли практически все группы общества, а не только те, которые живут воспоминаниями о минувшем. Второй важной особенностью “путинской метаидеологии” является усиление консервативных тенденций, поиск “порядка”. Для современного российского общества кроме сдвига влево, характерно и усиление консервативных тенденций как в менталитете и настроениях ведущих групп общества, так и в трансформации политической системы². «Порядок» и «справедливость» стали требованием и нового среднего класса, который сформировался уже при В. Путине и, казалось бы, вполне неплохо устроился в нынешней России. Сдвиг общества влево сочетается с ростом интереса к российской почве, социальной и исторической «органике», одновременно растет и этническая составляющая российского национального сознания. А это означает, что какая бы власть не пришла к рулю большой политики в обозримом будущем, она должна будет в той или иной форме ответить на “лево-правый” запрос общества. Вектор поиска общенациональной идеологии на сегодняшний день направлен в сторону идей сильного, социально ориентированного государства (государственного социализма) и патриотического внешнеполитического курса страны. Именно эти требования предъявляет общество и нынешней власти, и той, которая будет постепенно формироваться в России в ближайшие годы.

Таким образом, в нынешней России сформировался своего рода «ценностный консенсус», социокультурный феномен, когда по целому ряду ключевых вопросов, хотя бы на уровне парадных ценностей, достигается согласие большей части

¹ В. Петухов. Динамика мировоззренческих и идеологических установок россиян. “Мониторинг общественного мнения”, № 1, 2008.

² Л. Бызов. Российское общество в поисках неоконсервативного синтеза. Восточноевропейские исследования, № 2, 2005.

общества. Этот феномен мы отмечали еще на рубеже 2000-2001 гг.³, когда перспективы и рамки данного явления еще не были отчетливо ясны. Речь идет о завершении большого трансформационного цикла, начавшегося даже не в конце 80-х годов прошлого века, а значительно раньше, в период существенных изменений ценностных установок советского общества еще в 60-е и особенно в 70-е годы. Именно тогда сформировался запрос со стороны средних слоев советского общества и советской элиты на формирование в России массового потребительского общества на основе индивидуалистической системы ценностей. Этот запрос разрушил советский традиционализм, привел в действие механизмы политической трансформации⁴. Однако этот цикл еще не закончен – новый “порядок”, который бы устроил новые слои российского общества, еще не создан, более того, проблема его отсутствия переживается обществом все более остро в последние годы. «Мечта о порядке», когда под словом «порядок» понимается отнюдь не установление репрессивного режима и «закручивание гаек», а формирование общественного порядка, который признается большинством общества справедливым и эффективным, остается далекой от своего воплощения. Несмотря на общую социально-политическую стабильность в стране, по данным ВЦИОМ, только 17,1%, то есть глубокое меньшинство признает справедливость и эффективность нынешнего социально-политического строя. Сегодня важно понять, каковы перспективы этой ценностной и социокультурной эволюции, какой тип общества может возникнуть в качестве итога цикла, и, соответственно, каковы качественные составляющие «нового консерватизма», какие социокультурные и политические реалии несет нам этот магистральный на сегодняшний день общественный запрос. Тем более, что сегодня наблюдается некоторая бифуркационная точка трансформации, когда установки на «стабильность любой ценой» постепенно сменяются установками на перемены. Общество отдохнуло, накопило силы для завершающего трансформационного витка, хотя остается велика и инерция стабильности.

На наш взгляд, основной трансформационный процесс современности – это постепенное формирование российской нации (в политическом, а не этническом смысле слова) из атомизированного и сегментированного общества 90-х. Процесс этот активно идет, хотя и достаточно противоречиво. Процесс формирования нации, конечно, не связан напрямую с политикой, проводившейся В. Путиным. Скорее наоборот, речь может идти о том, насколько был “вписан” политический режим В. Путина в этот процесс. Однако зарождение “новой российской нации” и правление В. Путина (проблем хватит и на долю его преемника) все-таки совпали “в пространстве и времени”. И проект “российской органической модернизации” пусть и не предъявлен обществу в открытую, но, что называется, “носится в воздухе”. Как в этой связи пишет И. Дискин, “анализ модернизационных проектов показывает, что **успех сопутствует тем из них, в которых были осознаны специфика и настоятельные проблемы национального развития, найдены подходы к преобразованию государства и экономики, наиболее полно отвечающие стоящим перед страной вызовам.** Позитивный результат социальной трансформации - вводимые институты приходят в определенное социокультурное равновесие с изменившимися моделями социального действия.

³ Л. Бызов. Первые контуры постпереходной эпохи. Социс, 2001, № 3

⁴ Н. Бирюков, В. Сергеев. Становление институтов представительной власти в современной России, М., 2004

Напротив, рост социальных напряжений в ходе адаптации приводит к негативной оценке таких институтов. Социокультурный «зазор» между вводимыми институтами, с одной стороны, и социальными практиками, с другой, превращается в отторжение. Трансформационные напряжения быстро превращаются в модернизационный кризис⁵. Это означает, что новая национальная субъектность одновременно и существует (как ценность), и отсутствует (как совокупность институтов). Все это и предопределяет половинчатость наследия путинской эпохи в плане формирования российской нации.

По мнению сторонников теории “органической модернизации”, пережитый в 90-е годы и частично преодоленный сегодня системный кризис является, в первую очередь, кризисом субъектности, во многом обусловленным процессом «запаздывающей» или «догоняющей» модернизации 90-х годов. В результате неорганичности процессов модернизации внутренний социально-культурный конфликт между отдельными фрагментами общества (группы, ориентированные на идеологию догоняющей модернизации и группы, ориентированные на традиционалистские ценности) на каком-то этапе стал доминировать над осознанием исторической общности. Внутренние этнические скрепы оказались слишком слабы, чтобы на руинах суперэтнической империи смогло полноценно сформироваться национальное государство. Процесс формирования нации обрел и свою систему базовых ценностей, и своих социальных носителей. Что касается ценностного фундамента формирования нации, то активно формируются группы, отражающие уже нынешний социокультурный фон – это «неоконсерваторы», сочетающие модернистские и консервативные ценности. Это то, что мы условно назвали “путинской метаидеологией”. Система ценностей, вокруг которых так или иначе строится “новая Россия” уже заложена в менталитете новой генерации россиян, задача состоит лишь в том, чтобы “прочитать” то, что записано в их социально-культурном коде.

Одновременно выработке идеологии синтеза, за последние годы произошла и определенная стабилизация социальной структуры общества и его базовых ценностей. Сформировались достаточно большие группы населения, в той или иной степени адаптировавшиеся к посткоммунистическим реформам, имеющая достаточно высокий по российским меркам материальный достаток и составляющая основу новой современной генерации россиян, своего рода “новорусского субэтнуса”. Эти молодые группы только укореняются в нашем обществе, активно формируют свой запрос – не только и не столько политический, сколько социальный и культурный. Их устремлениям соответствуют свои культурные, религиозные, эстетические пристрастия, своя система моральных ценностей, система мотиваций, лишь частично пересекающихся с «парадными» пластами сознания, своя мифология. На наш взгляд, необходимо не просто описать эти группы посредством традиционных социально-демографических и политических характеристик, но и заглянуть в их «коллективную душу», понять, что кроется в их, выражаясь терминологией К. Юнга, «коллективном бессознательном». Это тем более важно, что мы неоднократно убеждались в неэффективности многих социальных и экономических стимулов, лежащих на

---

⁵ И. Дискин, Альтернативы российской модернизации. Институт национальной стратегии, М., 2007

поверхности, включая материальные. И только выход за рамки позитивистской методологии может позволить понять природу социальных и социокультурных мотиваций групп, определяющих судьбу «новорусского субэтноса», новой русской протонации.

Как полагает И. Дискин, «материалы различных исследований показывают, что порядка 25-30% населения уже вполне адаптированы, способны адекватно реагировать на сигналы существующей социально-экономической системы, рационально ориентироваться в существующей институциональной системе. Не следует идеализировать эти группы, но следует признать, что в них сосредоточен основной потенциал социальной динамики. Позиции этих слоев - рациональных критиков институтов - ориентиры их совершенствования. Возможно, впервые в истории России появились массовые слои и группы, способные в благоприятных социально-экономических условиях к самостоятельному решению своих жизненных проблем - по существу. Именно эти слои - база высокой социальной мобильности, предприимчивости и инициативы. Они обеспечивают рациональную адаптивность общества, эффективное функционирование его институтов, включая конкурентный рынок и плюралистичную демократию. Это база для становления массового среднего класса, верящего в благоприятные социально-экономические перспективы нашей страны»⁶. Итак, новый средний класс, состоящий из адаптантов, уже создан, спор лишь о его численности. По логике социальной трансформации, именно ему суждено стать ядром формирования новой российской нации, больше просто некому. Какие идеи, ценности и социальные установки он несет обществу? Какие институты он готов использовать? Какова социокультурная природа той цивилизации, которая рано или поздно «состоится» в нашей стране?

Все это позволяет сделать вывод о том, что для современного российского общества «ценностный кризис» перестает быть актуальным, общество становится все более ценностно однородным, несмотря на явное социальное расслоение. Что же касается кризиса политической системы и его симптомов, то они имеют скорее институциональную, а не ценностную природу. В условиях неоконсервативной волны реальная многопартийность никогда не станет магистральным путем развития российской демократии. Политическая система просто обречена на наличие большой и аморфной «партии власти» и нескольких менее влиятельных партий «на периферии», а процесс принятий решений обычно будет происходить за кулисами «партии власти». Обществом такая политическая система воспринимается в качестве политического театра, серьезно не влияющего на повседневную жизнь граждан. В этих условиях вопросы, связанные с укреплением демократии, многопартийной системы, гражданского общества и свободы СМИ - сегодня отодвинуты в сторону. И на это есть весомые социальные причины. За минувшие полтора десятилетия у нас не сформировалась национальная модель демократии. Процессы ее естественного формирования, происходившие в 1989-1993 гг., были свернуты и вытоптаны. Объективно сама социальная ткань современной России менее демократична, чем даже в позднесоветские времена. Только сейчас очень медленно начинают возобновляться горизонтальные социальные связи, но они носят зачаточный характер. Модель демократии 90-х в массовом сознании противостоит идее "порядка". Поэтому "демократические

---

⁶ И. Дискин. Альтернативы российской модернизации. Институт национальной стратегии, 2007.

силы" в значительной своей части оказались выброшены на политическую обочину. Реанимация "демократии" возможна лишь тогда, когда возникнет соответствующий запрос со стороны "автохтонных" сегментов российского среднего класса. По мнению ряда аналитиков, национальная модель демократии ближе к модели «общинной демократии», представляющей интересы не идейно-политических групп, а территориальных общин, профессиональных корпораций, сословий. Частично подобная модель начала реализовываться на закате горбачевской перестройки в 1989-1990 гг., однако этот опыт был перечеркнут и, по сути, не исследован⁷.

Во многом, кризис политической системы обусловлен и отчуждением большей части россиян от политики и политической демократии, в том числе. Несмотря на явную ценностную унификацию, российское общество остается похоже на общество второй половины 90-х в главном: оно антимобилизационно. Как показывают исследования ВЦИОМ, 60% опрошенных россиян заявляют о своей неготовности к каким-бы то ни было жертвам во имя какой-бы то ни было «великой цели». За исключением угрозы безопасности лично себя и своих самых близких. Современный россиянин хочет быть полновластным хозяином на отвоеванном у общества маленьком социальном плацдарме. В то же время он не готов брать на себя и толики социальной ответственности за все, что выходит за границы этого пятачка, охотно подчиняясь на тех или иных условиях воле «большого, чем он» хозяина. Проведенные нами исследования выявили доминирование локальных идентичностей и локальных социальных мотиваций. Оказалось, что мобилизационная компонента россиян в принципе достаточна высока, но направлена практически исключительно на сферу локальных интересов. 44,0% опрошенных готовы «пожертвовать личным благополучием и материальным достатком» ради будущего своих детей; 36,9% - ради безопасности своего дома, своей семьи. Лишь на третьем месте в качестве сверхценности выступает безопасность России (23,7% всех опрошенных). Впрочем, в современной России подобная индивидуализация бытия видна и невооруженным социологическими методами взглядом. Свободная экономика раскрепостила океан человеческой энергии, однако, как правило, заканчивающейся за пределами забора собственной дачи или коттеджа. Исследование также продемонстрировало, что никакие идеи не являются больше сверхценностями ни для каких социальных групп. Так ради целостности страны готовы пойти на жертвы 4,2% россиян; ради коммунистической идеи – 1,7%; ради идеи демократии, прав человека – 1,5%; ради идеи прогресса, блага всего человечества – 1,9%; православная идея – 2,3%⁸.

"Неоконсервативный консенсус" в формате "путинской метаидеологии" - явление, скорее всего временное, это только база для "временного перемирия". Это некий пакт о взаимном ненападении государства и общества. Между тем расчет на самоорганизацию общества на основе "статус кво" не оправдывается. Общественная ткань продолжает оставаться разорванной эгоистическими частными и корпоративными интересами, одновременно происходит деградация наиболее важных сфер жизнедеятельности общества, определяющих

⁷ В этой связи нельзя не отметить лучшую работу, посвященную данной проблеме. Н. Бирюков, В. Сергеев. Становление институтов представительной власти в современной России, М., 2004

⁸ Л. Бызов. Общество процветания или нация прозябания? "Апология", 2005, № 3

стратегический потенциал страны (наука, образование, культура, экология) в более отдаленной перспективе. Формирование дееспособных субъектов, способных действовать на общенациональном уровне, остается неразрешимой задачей в рамках описанного неоконсервативного "консенсуса". Впрочем, по мнению такого авторитетного российского философа и историка как А. Ахиезер, разорванность общественной ткани и ее ориентация на "локальные миры" является имманентным состоянием российского общества за все время его существования. "До сих пор в российской культуре живут непреходящие ценности такого рода социальности, где нет ни государства, ни чиновников, ни налогов, ни рекрутского набора. Иными словами, до сих пор, сами того не ведая, мы живем воспоминаниями о жизни локального мира. И когда мы со своими сослуживцами в рабочее время пьем чай, то каким-то странным образом воспроизводим обстановку локального мира, которая рождает в нас чувство защищенности, устойчивости, комфортного душевного состояния. В результате складывается уникальная ситуация, когда в рамках одного общества сосуществуют две типологии человеческого сознания. С одной стороны, административная, бюрократическая ментальность политической элиты, которая выросла в той же самой стране, пронизана токами архаического сознания, но доросла до понимания необходимости государства и, стало быть, большого общества. С другой стороны, массовое сознание низовых слоев, сохранивших почти нетронутые архаические представления о мире. Этот слой общества, напрочь лишенный понимания необходимости большого общества, не только не понимает, но и отказывается принять подлинную природу государства. Человек низовой культуры представляет себе мир как своеобразную "матрешку", в которой патриархальный род, или семья, или государство устроены подобно друг другу. Он трактует большое общество по моделям родной деревни. И предписывает государству идеалы, взятые из архаического родового быта"⁹. Н. И. Лапин, напротив, связывает проблеме "тотального отчуждения постсоветского человека" от власти и друг от друга кризисным развитием трансформационных процессов в 90-е годы. "Как противоречивы процессы социокультурной трансформации российского общества в 1990-е годы, прежде всего метаморфозы тотального отчуждения человека. Драматичной оказалась судьба исходного его слоя - *отчуждения от власти*. Насаждавшееся всеми прежними режимами выключение масс *подданных* из политической жизни сменилось лишь формальным их включением через институты парламентаризма, многопартийности и т. п. По сути, отчуждение, навязывавшееся извне, сменилось самоотчуждением населения от повседневного участия в политике и самоотчуждением демократических институтов власти от повседневного взаимодействия с населением. Возникли два непересекающихся и вполне удовлетворенных этим круга политического самоотчуждения: круг властвующих верхов и круг безразличных к власти низов"¹⁰.

В рамках исследования "*Базовые ценности россиян*", проведенного в 2001-02 гг., была предпринята попытка выделить своего рода "опережающую группу" – носителей новой субъектности, сочетающей в себе ценности модернизма и консерватизма и оценить ее мобилизационный потенциал, способность генерировать общественные и политические институты. В тот период данная

⁹ А. Ахиезер, И. Яковенко. Что же такое общество? М., 1998.

¹⁰ Н. И. Лапин. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций. Мир России. 2000. Т. IX. № 3. С. 3-47.

группа была еще достаточно малочисленна и не превышала 8-10% от всей исследованной совокупности. “Выделенные ценностные группы имеют самое прямое отношение к поискам новой субъектности российского общества. Ранее приходилось неоднократно отмечать, что старая советская субъектность, в равной степени, как и остатки традиционного общества, быстро распадаются, тогда как новая субъектность (как правило, в виде «политической нации») не формируется. В результате атомизация и безсубъектность, парализующая любую политическую волю и попытки выстраивания национальной стратегии развития. На наш взгляд, именно пятый (и в меньшей степени четвертый) кластер является наиболее перспективным с точки зрения формирования новой субъектности. Сильная идентификационная связь не с локальными, а гражданскими общностями по выражению Ю. Левады, «державное самоопределение и «просто» символическая идентификация с такими категориями как история, земля, народ, непосредственно выступают факторами предельной интеграции общества. Социальный человек принадлежит не только к определенной группе, но к определенной нормативно-ценностной системе и определенной «линии» социального времени»¹¹. Сказанное не означает, что уже сегодня «неоконсерваторы» являются реальными носителями субъектности более высокого уровня (это может подтвердить или опровергнуть лишь качественное исследование, способное выявить «коллективное бессознательное», превращающее группу индивидов в субъект более высокого уровня)”. Сегодня группа “неоконсерваторов” выросла в разы, однако переход от парадной “неоконсервативной системы ценностей к мобилизационной остается большой проблемой. На ценностном уровне общество готово стать нацией, однако отсутствие соответствующих институтов и “сверхстимулов” продолжает оставаться проблемой, сохраняющей российский социум на уровне “протонации”¹².

Таким образом, ценностная трансформация, не подкрепленная формированием новой субъектности и новой системы институтов, носит недостаточно устойчивый характер. Пока нет или почти нет главного – действенных субъектов национального развития, не назначенных сверху, “по долгу службы”, а произрастающих из недр самого общества. Главным «ограничителем» на путях позитивного развития России является сегодня искусственно делящее отсутствие национального субъекта государственной политики. Корень проблемы в том, что верхушка российской государственной бюрократии, «управленцы» - не могут, как показал весь опыт последних десятилетий развития страны, быть полноценным субъектом национального возрождения. С этой точкой зрения согласны не все российские аналитики. Так существует точка зрения, согласно которой, в условиях политической стабильности даже отсутствие определенное четкой политической линии, движение по инерции приводят к усилению национально-государственной субъектности. В результате этих процессов формируется государственная элита, заинтересованная в процветании и развитии. Как отмечает В. Кувалдин “нынешняя элита принципиально отличается от позднесоветской номенклатуры. Та была не очень жизнеспособной, у нее не было серьезной заинтересованности вести прежнее

---

¹¹ Ю. Левада. «От мнений к пониманию». М., Московская школа политических исследований, 2000

¹² Леонтий Бызов. Социокультурная трансформация российского общества и перспективы формирования неоконсервативной субъектности (по результатам исследовательского проекта «Томская инициатива»). Мир России, 2002, № 2.

существование в рамках советской системы. У новой российской элиты с этим все в порядке. Полный набор земных благ, причем нередко даже более полный, чем у законных представителей западной элиты. Так что у нее (по крайней мере, у значительной части) есть очень веские, существенные причины стремиться стабилизировать ситуацию»¹³. Таким образом, решение задачи формирования национальной субъектности увязывается с силой инерции, формированием класса государственной бюрократии, которая, независимо от своих моральных качеств и субъективных устремлений, заинтересована в развитии страны, сохранении ее суверенитета. По сути именно на этот процесс и была сделана основная ставка в период правления В. Путина. Сделана во многом по необходимости, так как поиски иных потенциально дееспособных политических субъектов в стране успехом не увенчались. Сегодня «путинскую бюрократию» не проклинает только ленивый. Формируется прямо противоположная точка зрения, согласно которой именно государственная бюрократия в ее нынешнем виде является главным тормозом модернизации политической и экономической системы страны, а само ее существование несовместимо с вектором развития.

У россиян не сложилось однозначного мнения относительно того, является ли нынешнее государство, выстроенное нынешними властями на основе усиления бюрократического класса, субъектом национальной государственности, способным отразить интересы, надежды и чаяния большинства россиян. Как видно из следующей таблицы¹⁴, большинство опрошенных склонно в этом отношении занимать достаточно взвешенную позицию (52%), а крайности разделяет меньше половины россиян. 29% склонно видеть в нынешней государственности «свою» власть, способную защитить их интересы и которое не вызывает чувства отчуждения, тогда как 14% видят в том же государстве заведомо «чужую», враждебную субстанцию, в отношении которой какое-либо чувство сопричастности напрочь исключается. Здесь чрезвычайно велики поколенческие различия. Нынешнее государство «своим» считают 41% молодежи до 25 лет и лишь 24% пожилых россиян, переваливших 60-летний рубеж. И это вполне понятно: «Новая Россия», по сути, создана «на костях» (пусть в переносном смысле) старших поколений, так и не сумевших не столько экономически, сколько социокультурно адаптироваться к новому укладу жизни. А новые поколения приспособились (адаптировались) к новым социальным и экономическим условиям в значительной степени ценой существенной социокультурной «мутации», отказа от традиционных ценностей и образа жизни. Это лишний раз говорит о том, что «возвращение к истокам», к традиционным, консервативным ценностям, которое многие видят в «путинской России» является чисто внешним фактором, своего рода «красивой упаковкой», не более того. А в реальности масштабы разрыва с традицией, почвой продолжают расширяться. Отсутствие работающих традиций, культурных норм – важная составная часть институционального кризиса, существенно отличающая Россию от западных стран, в которых власть традиции зачастую оказывается сильнее власти государства. «Разтрадиционирование» российского общества продолжает углубляться, даже в условиях формальной политической стабильности.

---

¹³ В. Кувалдин. Путин пришел как стабилизатор, поэтому реформы Путина призван завершить его преемник. Сайт ФОМ-клуба, июнь 2007.

¹⁴ ВЦИОМ, июль 2007

Каково Ваше отношение к нынешнему российскому государству, построенному при Владимире Путине?	всего	Молодежь до 25 лет	Пожилые (свыше 60 лет)
<i>Это “мое” государство, которое защищает мои интересы</i>	29	41	24
<i>Это лишь отчасти “мое” государство, которое недостаточно хорошо защищает интересы таких как я</i>	52	45	46
<i>Это “не мое” государство, оно не защищает мои интересы, и я не доверяю ему</i>	14	7	23
<i>Затрудняюсь ответить</i>	6	7	7

На сегодняшний день энергия общества остается в значительной степени не востребованной, и в основном направлена на обустройство своего частного жизненного пространства. Все, что выходит за пределы этого пространства, воспринимается скорее как ресурс для решения частных и корпоративных задач. Это означает, что если “на словах” государство выступает как носитель общенациональной субъектности, решающий задачи стратегического будущего нации, то на практике эти претензии не подкреплены системой работающих институтов. “Государство” со всей своей шумной и эфемерной политической жизнью, выборами, национальными проектами, реформами и бюджетами – остается “зоной отчуждения”, в которой рядовые россияне не видят большого смысла и относятся к ней скорее как к области ритуального. Сфера частных интересов и сфера общенациональных интересов разделены почти непроницаемым барьером, гасящим энергетику общества и перенаправляющим ее на локальные уровни социального бытия. Постепенно формируется ценностный и идейно-политический консенсус, однако «пробуксовка», в первую очередь, на институциональном уровне препятствует переходу общества в новое качественное состояние. Политические проекты, формируемые под эти процессы, остаются неполноценными, энергия носителей «новой субъектности» замыкается на локальном уровне, в основном частных, индивидуальных стратегий успеха. А формально действующие политические и государственные институты, лишённые энергетической подпитки общества, остаются во власти корпоративных и групповых интересов, чему не в состоянии противодействовать никакие создаваемые «административные вертикали».

Завершившийся избирательный цикл (2007-2008 гг.) придал этой проблеме еще большую выпуклость. Он лишний раз продемонстрировал продолжающееся вырождение института политических партий, вообще всей публичной политики, перенос реального центра принятия решений в крайне закрытые от посторонних глаз сферы. Многие перспективные и талантливые политики все сильнее осознают тщету своих усилий чего-либо добиться в рамках правил, устанавливаемых нынешней политической системой. Самоорганизация же общества идет параллельно этим процессам, причем в формах, также далеко не всегда прозрачных для постороннего взгляда. Неработающие законы трансформируются в сложную систему отношений на основе частной унии, “понятий”, функционирующей по своим неписаным правилам. Если процессы самоорганизации общества “снизу”

будут блокированы на ближних подступах “к верху” общественной пирамиды, общество окажется разорванным и процессы воссоздания национальной субъектности не получат своей “подпитки” снизу. Разговоры о “суверенной демократии по-русски” скорее лишь подчеркивают реальную беспомощность властей хоть как-то способствовать решению институционального кризиса, предложить обществу хоть что-то “живое”.

Политическая система, созданная в стране при В. Путине, является, по общему мнению и политологов, и социологов, наиболее уязвимым местом режима, и ее трансформация является по сути неизбежной. Главным обвинением в ее адрес служат такие ее черты как безальтернативность и антидемократичность. Вот типичный взгляд одного из критиков системы: “Будучи формально легитимированной через избирательную процедуру смена власти, вместе с тем, полностью выведена из зоны неопределенности, связанной с демократическими выборами. Реальная безальтернативность *выборов* на важнейший политический пост обеспечивается как манипуляцией общественным мнением через подконтрольные средства массовой информации и использованием властных преимуществ инкументами (“административный ресурс”), так и господствующими моделями поведения и менталитета населения, готового поддерживать действующую власть из страха перед худшим или пассивной надежды на лучшее. В результате этих и других изменений российское политическое сообщество за три года четко усвоило правила игры в новой политической системе. Безальтернативность власти воспринимается политиками, журналистами, экспертами как данность, не подлежащая обсуждению. Осмысление и оценка ситуации в стране происходит в рамках заданной действующей властью системы координат. Дискуссии вокруг тех или иных изменений политики не затрагивают сложившуюся систему властных отношений. Критика режима допускается, но исключительно как критика правительства. Такая политическая система может существовать либо при условии согласия общества (поскольку важнейшим способом ее легитимации являются выборы), либо при полной неэффективности институциональных и иных каналов воздействия населения на власть¹⁵”.

В пробуксовке развития многопартийности эксперты видят как следствие пассивности общества, так и сознательное нежелание властей способствовать осознанию отдельными группами общества своих интересов. “Власть следила за тем, чтобы социальные группы не становились самостоятельными, иногда учитывала интересы общества, иногда прибегала к его помощи, особенно когда речь шла о целостности государства или в периоды утверждения новых политических элит. А общество в целом приспособлялось к власти, принимая ее высший эшелон и считая врагом ее институты. Именно поэтому в России так и не сложилась настоящая партийная система. Российское общество в силу своей безгражданственности и государственной опеки за всю свою историю не научилось формулировать свои политические интересы и защищать их через институт партий. Партии, особенно в современной России, скорее являются (или добровольно становятся) орудием и атрибутами власти. Достаточно вспомнить опыт партийного

---

¹⁵ Т.Е.Ворожейкина. Стабильна ли нынешняя Россия? В сборнике “Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации. М., 2003.

строительства: "Наш дом — Россия", "Единство", позиции СПС и т.д. При этом они стремятся стать правящими не за счет предложения своих программ, а путем выражения одобрения действий власти"¹⁶. Как утверждает один из "отцов русской демократии" В. Шейнис, "возвращается традиционная социально-политическая модель: многовластный и непререкаемый лидер – доминирующая в центре и в регионах партия бюрократии (хотя и в ином идеологическом оформлении, но все тот же «приводной ремень») – политически пассивное, разочаровавшееся в своих возможностях общество. Процесс реставрации набирает силу. Демократическое законодательство подправляется или обращается в фикцию. Осуществлена контрреформа избирательного права. На месте парламента, суда, общественных институтов выстраиваются муляжи, а бизнес и главные СМИ поставлены под жесткий контроль государства. Развернуто наступление, в том числе средствами, напоминая работу спецслужб прошедшего времени, на независимые неправительственные организации"¹⁷.

Однако все эти тенденции, включая концентрацию власти в руках президента ("суперпрезидентская республика"), действительно имеющие место, в целом находятся в соответствии с магистральным общественно-политическим запросом общества. "Если уровень доверия к президенту растет, то уровень доверия к другим институтам государства и гражданского общества падает. За самостоятельность регионов и территориальных единиц, по данным опросов, высказывались всего 4% опрошенных, за равноправие - 5%. При этом две трети опрошенных (62%) считают, что в России не существует сильного государства, и одним из необходимых условий совершенствования государственной системы нашим согражданам видится жесткая вертикаль власти, соблюдение политики подчинения местной власти - региону, а региона - Центру. Поэтому и предложения об усилении вертикали власти встречают понимание и поддержку у большинства населения России. Помимо объяснений, связанных с социокультурными и историческими факторами, напрашивается вывод о связи подобных настроений с механизмами социальной идентификации"¹⁸. В какой-то степени чрезмерная консолидация власти отражает движение маятника – от крайней фрагментации властных элит и всего политического пространства в 90-е годы до концентрации всей власти в Кремле и ослабления влияния региональных и партийных элит после 2000 года. По мнению В. Гельмана, "процесс трансформации политического режима повлиял на формат российской партийной системы, характеризующейся партийной фрагментарностью и электоральной неустойчивостью". Он сравнивает тенденции развития российской партийной системы с колебаниями маятника: от равновесия однопартийного режима – в сторону сверхвысокой фрагментации и неустойчивости, а затем – в сторону резкого снижения фрагментации"¹⁹. В "авторитарном перерождении режима", как оценивают процесс политической трансформации критики политики нынешних властей, можно усмотреть и ростки

---

¹⁶ В.Н.Дахин. Исторические детерминанты политического развития современной России. В сборнике "Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации. М., 2003.

¹⁷ Виктор Шейнис. Когда же придет настоящий день? Сайт ФОМ-клуба, 2007

¹⁸ Н.М. Великая. Проблемы консолидации общества и власти. М., 2003

¹⁹ В. Я. Гельман. От "бесформенного плюрализма" – к "доминирующей власти"? (Трансформация российской партийной системы) [Общественные науки и современность](#). 2006. № 1. С. 46-58.

“новой субъектности”, консолидации властных элит вокруг общегосударственного политического и экономического курса. По мнению А. Зудина, “главная характеристика нового режима - моноцентризм, т.е. сильный центр власти, позволяющий проводить новые реформы. Фундаментом моноцентризма автор считает негласный “социальный контракт” с обществом в обход элит. Процесс подготовки и принятия решений расширил круг участников за счет подключения сообщества бизнеса и верхней палаты парламента. Решения стали освобождаться от клановой логики и восстанавливать связь с реальными интересами и настроениями”. Автор считает, что политика Путина позволяет через согласования и компромиссы проводить целенаправленный курс преобразований²⁰. В то же время моноцентризм, сыгравший свою значимую роль в преодолении центробежных тенденций, сегодня все в большей степени себя исчерпывает, становится тормозом для дальнейшего развития политической системы страны. Однако что может ему придти на смену? Какая политическая модель соответствует менталитету и социальному опыту “новой российской протонации”, активно формирующейся сегодня? Какова цивилизационная природа этой “протонации”?

Исследования и обсуждения, проведенные ВЦИОМ²¹, ИКСИ РАН, а также в рамках проекта “*Базовые ценности современных россиян*”²² позволяют сделать на этот счет достаточно противоречивые предположения. Постреформенный период развития России оставляет много вопросов о природе и особенностях современной российской цивилизации. Многочисленные сломы, характерные для XX века, существенно изменили природу и менталитет всего российского суперэтноса. События последних пятнадцати лет привели к дальнейшему распаду остатков русского традиционализма, разрыву с многовековой историей российской цивилизации. За эти годы Россия так и не выработала собственной цивилизационной идентичности. Не удалось за эти годы выработать и собственной национальной модели политической и экономической системы, так как формальное заимствование политических и экономических институтов, характерных для «цивилизованного Запада» отторгается российской почвой, ведет, в качестве контртенденции, к усилению архаичных форм организации общественной жизни²³, по выражению В. Соловья, своего рода “варварству на руинах Третьего Рима”. Как это показали и наши исследования, новый российский средний класс отнюдь не является носителем традиционной русской ценностной идентичности, несмотря на некоторые внешние проявления²⁴.

Все эти вопросы предполагают два ключевых направления анализа нынешнего состояния социокультурной составляющей российского общества – проблема целостности социокультурного кода нации, с одной стороны, и проблему связанной с этим субъектности, то есть способности общества или его сегментов к действиям мобилизационного типа. Необходимо исследовать процессы распада и консолидации российского общества, выявить устойчивые этнические,

---

²⁰ [А.Ю.Зудин. Общественные науки и современность](#). 2003. № 2. С. 67-83.

²¹ Круглый стол “Базовые ценности современных россиян”. Мониторинг общественного мнения. 2006, № 2.

²² “Базовые ценности современных россиян” (под общей редакцией А. Рябова и Е. Курбангалиевой). М., 2003

²³ Об этом постоянно пишет В. Соловей

²⁴ Л. Бызов. Социальные трансформации и русское самосознание. Политический класс, № 4, 2007.

мифологические, культурные и социальные конструкции, способные обеспечить целостное функционирование общества, его единую идентичность (на ценностном уровне) и единую субъектность (на уровне социального действия, особенно действия мобилизационного типа). Содержательными характеристиками, определяющими «социокультурный код» отдельных групп общества, являются базовые ценности и архетипы, носящие универсальный характер; нормы и установки, которые представляют собой «поле стереотипов» в рамках сформированного набора социометрических шкал, содержащих отношение к основным социально-политическим мифам, культуре, религии, традиционализму, бытовой морали. Исследование социокультурных основ современной российской цивилизации требует междисциплинарного подхода. Цивилизационные особенности зачастую не лежат на поверхности, они проявляются в культурном и социальном творчестве нации, в языке, культуре, эстетических пристрастиях, формах бытового общения, в архетипах, мифах и традициях.

С точки зрения своих цивилизационных характеристик, современная генерация россиян несет в себе особенности и черты и архаики, и традиционного общества, и постреформенного модерна. С одной стороны, мы наблюдаем унифицированный постиндустриальный образ жизни жителя современного мегаполиса, ориентированного, как правило, на массовую культуру потребления, с другой, доживающие свой век островки традиционализма, с третьей – архаизацию общественных отношений, примитивную самоорганизацию общества, во многом воспроизводящую дотрадиционные формы. Это предопределяет неоднозначность взгляда на современные общественно-политические реалии, когда параллельно с процессом модернизации образа жизни идет процесс архаизации политической культуры. Остается неясным ответ на вопрос, в какой степени эти процессы связаны с особенностями архетипического (мифологического) сознания, а в какой – с институциональной недостаточностью, когда даже субъекты с современной системой ценности самоорганизуются по архаичным закономерностям²⁵. Исследования ментальности и мифов постсоветского человека свидетельствуют о том, что в нем практически ничего не осталось от той традиционной архаики, которую мы привыкли считать проявлением русской косности, препятствующей модернизации. Если ей что и препятствует, то не система ценностей, а неспособность вестернизированных, либерально-ориентированных постсоветских индивидов к самоорганизации и взаимодействию. Утратив архаичные структуры и мифы коллективного бессознательного, интегрирующие традиционные социумы, наше общество при всей своей рационализации не смогло сформировать нацию. Россия не перешла от традиционного общества к нации, что в Новое время сделали Европа и Америка, причем последняя гораздо позже и с большими трудностями.

Российское общество не слишком сильно сопротивлялось либеральным реформам начала 1990-х годов и не отторгло ценности, лежащие в их основе - по крайней мере, в их словесном выражении. В том числе и потому, что эти реформы органично вписывались в социокультурную ситуацию, сложившуюся в стране задолго до них. Основные ценности позднесоветского человека, его, если угодно, "национальная идея" соответствовали системе ценностей, пришедшей с Запада.

---

²⁵ Об этом подробнее в статье Л. Бызова «Ярмо традиций или кризис беспочвенности» в журнале «Москва», 2006, № 3.

Она характеризовалась индивидуализмом, ориентациями на общество массового потребления и выражением "мой дом - моя крепость". Из российского коллективного "я" выделилось индивидуальное начало, которое со временем развивалось, воплощаясь в новые потребности и обретая новые символы. Если национальной идеей позднесоветского человека была отдельная квартира, то национальной идеей человека постсоветского стала дача с глухим забором - ментальный символ современных россиян.

Неспособность выстраивать горизонтальные связи и формировать на их основе институты управления обществом (недавно ушедший из жизни историк-культуролог А. Ахиезер полагает, что эта особенность русского социума органически присуща ему на всем историческом пространстве, начиная с Киевской Руси), тем самым создавая новые традиции, замещающие коллективное бессознательное, привела к тому, что у нас сложился своеобразный тип модернизации, происходящей за счет разрушения социальной ткани. В России модернизация очень быстро проходила в неких социальных коконах. Но в ходе стремительной модернизации внутри отдельных групп социальная ткань общества в целом оказывается совершенно бесхозной. И чем интенсивнее осуществляются такие точечные модернизации, тем интенсивнее разрушается общая социальная ткань. Проблема не в том, что в России плохо шла модернизация, а в том, что она здесь разрушала национальную идентичность и горизонтальные общественные связи. Именно этим российская модернизация кардинально отличалась от прочих европейских модернизаций. Общественные перемены, произошедшие в последнее десятилетие, не сильно изменили эту ситуацию по-существу, скорее они коснулись фасадной части общества. Как показывают исследования, процесс разрушения традиционного сознания носит необратимый характер, традиционные ценности присутствуют главным образом, лишь на «парадном» уровне, наблюдается демифологизация и рационализация массового сознания. Все это создает определенные социокультурные барьеры на пути перехода российского общества к стратегии органичной модернизации.

Сегодня очевиден существенный разрыв между ценностными и институциональными факторами, определяющими развитие новой государственности. По сути, произошел отказ от мобилизационной модели государственного устройства, возобладали инерционный сценарий, при котором институциональное реформирование оказалось полностью отданным на откуп правящим элитам. Эта стратегия отвечала запросу только начавшегося формироваться после дефолта 1998 года новому среднему классу, которому необходимо было выиграть время, завершить процесс адаптации, выстроить свои частные "стратегии успеха", минимально зависящие от действий государства. Как мы отмечали еще в первый период путинского правления, "это говорит о сути требований общества к режиму, что этот режим не должен куда-то вести, он не должен носить мобилизационный характер, так как носители этих требований если уже и не полностью адаптировались, то рассчитывают адаптироваться. И им важно только, чтобы государство не мешало процессам адаптации. Соответственно данному запросу, Путин не должен быть вождем в полном смысле слова, который применяет насилие по отношению к обществу, который меняет социальную структуру, перераспределяет собственность. Он должен был оставаться

достаточно символической фигурой, в задачи которой входит обеспечение в обществе лишь самых общих правил игры»²⁶. Именно на этот слой адаптантов и была сделана основная ставка, что привело к формированию своего рода “негативного консенсуса” в отношениях общества и власти – “вы нас не трогайте и мы вас не тронем”. Природа этого негативного консенсуса является предметом дискуссии.

Реальная политика, вытекающая из этих обстоятельств, выразилась в стремлении к принятию решений в предельно узком кругу «посвященных», отстранении от принятия решений по общественно-значимым проблемам даже такого конституционного органа, как Федеральное Собрание. Как результат – власть концентрируется в нелегитимных и полуполитимных источниках и все более осуществляется теневым, “закулисным” образом. Таким образом, как казалось еще несколько лет назад, “общественный запрос на сильную и эффективную власть, опирающуюся на средние слои общества и повышение социальной мобильности лучших представителей региональных элит, был лишь имитирован, выпущен на свет в не вполне жизнеспособном виде, но от этого не перестал быть насущным общественным запросом, который рано или поздно должен найти свой действительный выход. Механизмов реальной опоры государственной власти (персонализированной в Президенте) на общество до сих пор не создано. Более того, складывается впечатление, что «партия власти» и не намерена предпринимать никаких шагов в этом направлении»²⁷. Те же попытки, которые в этом направлении делаются последние годы, воспринимаются обществом как имитационные.

Опору новой российской субъектности власти попытались найти в государственной бюрократии, безмерное усиление которой стало своего рода визитной карточкой “второго срока” пребывания у власти В. Путина. Результаты реализации этой идеи носят достаточно половинчатый характер. В огромной степени «ставка на бюрократию» стала вполне осознанной, оказалась связанной с тем, что результаты демократического развития новой России не дали ожидаемых результатов. Еще во второй половине 90-х годов, общество столкнулось с проблемой крайне низкой эффективности демократических политических институтов, работавших либо вхолостую, либо обслуживающих интересы российских или международных корпораций («несуверенная демократия» по образному выражению В. Суркова²⁸). Аналогичные претензии предъявлялись и к сфере частного бизнеса, породившего уродливую олигархическую систему власти, в рамках которой новая российская бюрократия стала занимать все более подчиненное, зависимое положение. Не смогла новая российская демократия решить и основных социальных проблем страны, в первую очередь, обеспечить

---

²⁶ Л. Бызов. О чем молчит “путинское большинство”? Русский журнал, 2003.

²⁷ Л. Бызов. О чем молчит “путинское большинство”? Русский журнал, 2003.

²⁸ Владислав Сурков. Национализация будущего. Эксперт, 2005. Согласно точке зрения В. Суркова, суверенную демократию “допустимо определить как образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими”. Он считает, что “поддерживать суверенитет без ущерба для демократии и быть открытыми, не теряя идентичности, — задача для начинающих нетривиальная”. Однако, в чем же именно состоит позитив идеи “суверенной демократии”, остается неясным. Не дает ответа на этот вопрос и собственная политическая практика В. Суркова.

ценностную консолидацию общества, преодолеть имеющиеся социальные и региональные разрывы между наиболее значимыми группами населения России. Однако и ставка на административную вертикаль, выстраивание дееспособных институтов “сверху” также не дала однозначно позитивных результатов. Способствовав решению одних проблем, ставка на административную вертикаль породила другие, не менее трудно разрешимые проблемы. Диагноз институциональной недостаточности, снова, как и десять лет назад, выходит на первый план.

Бызов Леонтий Георгиевич

Родился в 1955 году.

В 1976 году окончил экономический факультет МГУ по специальности «математические методы анализа экономики». В 1976-87 гг. работал в экономических институтах АН СССР – Центральном экономико-математическом институте (Отдел проблем уровня жизни, рук. Н. М. Римашевская), Институте народнохозяйственного прогнозирования (Отдел С. С. Шаталина), где занимался социально-экономической проблематикой (уровень и образ жизни, прогнозирование потребительского поведения). В 1984 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности «Управление народным хозяйством». Начиная с 1987 сфера интересов полностью переключается на социологию, преимущественно политическую.

С 2003 по 2008 год сотрудничал со ВЦИОМом, с июня 2004 года руководил отделом социально-политического анализа ВЦИОМ, является членом научного совета ВЦИОМ и членом редколлегии журнала “Мониторинг общественного мнения”. Занимается политической социологией, анализом и прогнозированием политических и культурологических процессов в современной России. Автор более 200 научных публикаций, в том числе соавтор ряда монографий. С 2007 года – старший научный сотрудник ИС РАН.

Основной предмет научных интересов – система ценностей современных россиян, эволюция политического сознания, трансформация политической системы, процессы формирования современной российской нации, изучение ментальности отдельных групп общества и россиян как нации.